

ГЕННАДИЙ СОРОКИН

Черное
сердце

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Сорокин, Геннадий Геннадьевич.
С65 **Черное сердце / Геннадий Сорокин.** — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-225202-0

1983 год. В учебной аудитории одного из сибирских техникумов обнаружен мертвым студент из Конго. Во избежание международного скандала следствие спешит сделать официальное заключение: смерть от инфаркта. Одновременно руководство УВД негласно поручает лейтенанту Андрею Лаптеву разобраться в случившемся. Сыщик выясняет, что смерть африканца наступила от удара электрическим током. Но самое странное: на месте преступления обнаружена кукла вуду с пронзенным иглой «сердцем». Что это — тайный ритуал разгневанных соплеменников или чей-то умелый розыгрыш? Лаптев погружается в студенческую атмосферу и узнает устрашающие подробности жестокого преступления...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225202-0

© Сорокин Г.Г., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Часть первая

ИНОСТРАНЦЫ

1

В воскресенье, 13 марта 1983 года, около 12 часов, в спортивном зале техникума пищевой промышленности начался очередной матч городских отборочных соревнований по баскетболу среди учащихся техникумов и ПТУ.

За право участвовать в полуфинале вышли бороться команды химического и машиностроительного техникумов. По правилам соревнований обе команды играли на нейтральной территории, выбираемой судейской коллегией путем жеребьевки. Зрителями были в основном учащиеся химического и машиностроительного техникумов, пожертвовавшие выходным днем, чтобы поддержать любимые команды. Посмотреть на игру пришли также несколько членов баскетбольной команды пищевого техникума. Особого интереса для них игра не пред-

ставляла: они были уверены в победе своей команды — без сомнения, лучшей в городе.

К исходу первой четверти матча в спортзале появился высокий чернокожий мужчина по имени Жан-Пьер. Он был капитаном баскетбольной команды «Пищевик» и ее лучшим игроком. Места для вновь прибывшего зрителя на лавочках вблизи баскетбольной площадки не нашлось. Между площадкой и преподавательской — тоже. Усмехнувшись, Жан-Пьер пошел в угол спортзала. Пробриться сквозь толпу учащихся и тренеров для него не составило большого труда. Жан-Пьер действовал, как пассажир, опоздавший на утренний автобус. Уверенно, невзирая на протесты, он двинулся вперед, раздвигая толпу руками. Рассерженные бесцеремонной толкотней учащиеся разворачивались, чтобы высказать наглцу все, что о нем думают, но, увидев, с кем имеют дело, поспешно умолкали. Связываться с иностранцем никто не хотел.

Остановившись в последнем ряду зрителей, Жан-Пьер стал наблюдать за игрой. Позже один из учащихся пищевого техникума заметил, что, по его мнению, чернокожий пришел не полюбоваться игрой, не подметить особенности событий на площадке, а выискивал кого-то среди зрителей.

Осматривать спортзал из последних рядов Жан-Пьеру не составляло никакого труда. Он был по меньшей мере на голову выше самого высокого из зрителей. Рост его был 198 сантиметров, вес — больше ста килограммов. У него была черная, как гудрон, кожа, длинные, ниже колен, руки, выступающая вперед челюсть, короткие курчавые волосы. Жан-

Пьер мог бы выступать моделью для советских карикатуристов. Именно такими, похожими на гориллу в человеческом обличье чудовищами художники сатирического журнала «Крокодил» изображали латиноамериканских диктаторов и их приспешников. Разумеется, герой карикатуры не мог быть негром — только латиноамериканцем. Чернокожие потомки бывших рабов в СССР были неприкосновенны.

Немного понаблюдав за игрой, Жан-Пьер направился к выходу, прошел через раздевалку спортзала в фойе и исчез. Вахтерша, шестидесятилетняя теть Даша, потом божилась, что не видела, как огромный чернокожий мужчина вышел из техникума. Как вошел — видела, куда делся после матча — нет.

Инспектор уголовного розыска Центрального РОВД Кискоров, подвижный психованный малый, выслушав вахтершу, пришел в ярость, набросился на нее с угрозами упрятать в тюрьму до конца жизни. Старушка испугалась, заплакала.

— Нет моей вины, что он по техникуму шляться пошел! — сквозь слезы сказала она. — Я не обязана за каждым учащимся следить. Мужик этот, негр, из фойе пошел в сторону библиотеки, и больше я его не видела. Из учебного корпуса по главной лестнице спустилась толпа второкурсников, начался галдеж, суматоха, как тут за всеми усмотришь?

— Верю! — согласился уже успокоившийся Кискоров.

На поэтажном плане техникума он отметил последнее место, где иностранца видели живым.

Тело гражданина Республики Конго Жан-Пьера Пуантье в понедельник, 14 марта, обнаружил пре-

подаватель Рыжов. Примерно в 7 часов 50 минут он вошел в техникум. Получив у вахтерши ключи от кабинета «Машины и оборудование предприятий пищевой промышленности», сокращенно называемого МОПП, прошел в одноэтажный корпус, открыл дверь кабинета, включил свет, сделал шаг внутрь и замер, пораженный увиденным: на полу, в дверном проеме между учебными классами, лежал лицом вниз огромный негр в импортном спортивном костюме «Пума». На ногах у иностранца были престижнейшие кроссовки «Адидас», на правой руке — японские часы «Ориент».

Рыжов несколько секунд приходил в себя, потом опустил голову около неподвижного тела на корточках, проверил пульс на шее студента. Пульс не прощупывался, кожные покровы были холодными на ощупь. Сомнений не оставалось — Жан-Пьер был мертв. Рыжов закрыл кабинет на ключ и поспешил доложить об увиденном директору техникума.

Директор, пятидесятипятилетняя Августа Ивановна Романова, пришла в ужас:

— Господи, зачем же он в техникуме умер? Не мог на улице скончаться? Знала я, знала! С самого начала знала, что эти иностранцы нас до добра не доведут. Сергей Мефодиевич, около него крови нет?

— Я его не переворачивал, что у него на груди — не видел, а так следов насилия нет.

— Может, это инфаркт, сердце? — с надеждой спросила директор техникума.

— Все может быть! — охотно согласился Рыжов. — Только есть одна проблема — дверь в кабинет была закрыта на ключ.

Романова позвонила в милицию, потом доложила о происшествии в отдел по руководству учебными заведениями облисполкома. Через несколько минут о ЧП стало известно дежурному по областному управлению КГБ. Дежурный немедленно доложил о происшествии начальнику управления.

— Передай директору техникума, — распорядился главный чекист области, — никому о смерти иностранца — ни слова! Занятия в этом кабинете отменить, никого до нашего приезда не пускать.

Его указание осталось невыполненным. Первыми на место происшествия прибыли сотрудники Центрального РОВД, возглавляемые начальником отдела полковником милиции Шаргуновым.

Предварительный осмотр места происшествия показал, что тело Жан-Пьера Пуантье видимых повреждений не имеет. Дорогие импортные часы, фирменные кроссовки — на месте. В карманах трико сотрудники милиции обнаружили ключ от комнаты в общежитии и начатую пачку сигарет «Мальборо» в мягкой упаковке. Спичек при себе покойный не имел.

— Чтобы я так жил! — воскликнул оперуполномоченный Кискоров. — Мне на такие кроссовочки надо месяц копить. Не есть, не пить...

— Заткнись! — оборвал его начальник криминальной милиции отдела Васильев.

— Версия ограбления отпадает, — вполголоса сказал Шаргунов. — Крови под телом нет. Потерпевший при падении ударился лицом о пол, разбил нос и губы, но крови нет. Это могло произойти в одном-единственном случае — если сердце потер-

певшего остановилось еще до падения. Осипов, что у тебя?

Эксперт-криминалист Осипов показал на тестоделительный аппарат.

— Вот конструкция, похожая на куклу с иглой в груди.

— Такой куклой ни один ребенок играть не будет, — возразил начальник криминальной милиции. — Это какой-то набор тряпочек, связанных веревочками в форме человечка.

— Кукла вуду! — воскликнул Кискоров.

— Ты сегодня заткнешься или нет? — зарычал Васильев.

— Подожди! — остановил его Шаргунов. — Продолжай.

Кискоров, приободренный поддержкой начальника милиции, выложил свою версию событий в кабинете МОПП:

— Негр зашел в кабинет, увидел куклу вуду с иглой в груди и умер на месте от страха. Он же чернокожий, из Африки. Он должен верить в колдовство. Для нас эта кукла — просто тряпка, а для него...

— С чего ты решил, что эти тряпки — кукла вуду? — спросил Васильев. — Ты что, специалист по африканской магии?

Шаргунов заметил, что эксперт хочет что-то сказать.

— Говори! — предложил начальник милиции.

— Я тоже думаю, что эти связанные в фигурку человечка тряпки, — кукла вуду. Только кукла, если она не оживает по ночам, не могла закрыть вход-

ную дверь. В остальном у Кисорова версия правдоподобная. Крови-то нет!

— Как тяжело жить в стране советской, когда вокруг тебя столько дебилов! — не то со злостью, не то с сожалением сказал Васильев. — Вы глаза разуйте! Этот модно одетый молодой человек похож на дикаря, выбравшегося из джунглей? Сидел под пальмой, делился с обезьянами кокосами, потом подумал и поехал учиться в СССР. Так, что ли? Вы в бумаги посмотрите. Потерпевшего зовут Жан-Пьер. Его фамилия не Мумбо-Юмбо, а Пуантье. Он из франкоговорящей семьи. Его родители во всем ориентировались на бывшую французскую колониальную администрацию. Они дали сыну французское имя, чтобы он мог с легкостью влиться в европейское общество. А вы — вуду! Кукла! Магия!

Васильев в разговоре с подчиненными никогда не выбирал выражений, мог откровенно нахамить. Сотрудники отдела привыкли к его вызывающему поведению и на повседневную хулу внимания не обращали. Шаргунов же, напротив, никогда никого не оскорблял. Среди начальников районных отделов милиции он был белой вороной — матом не ругался, никогда не повышал голос на подчиненных. Он даже с задержанными уголовниками говорил вежливо и учтиво. Но стоило ему начать разговор, как любой преступник тут же чувствовал железную хватку на своем горле. В тандеме Шаргунов — Васильев начальнику криминальной милиции отводилась роль тарана, «адвоката дьявола», всегда во всем сомневающегося оппонента. Шаргу-

нов в их связке выступал в роли арбитра, чье мнение не обсуждалось.

— Позволю себе возразить, — дерзко ответил Васильеву Кискоров. — У нас в отделе все коммунисты-комсомольцы, безбожники и атеисты, но как прижмет, так креститься начинают и приговаривают: «Господи, помоги!» Почему же он, негр с французским именем, не мог верить в культ вуду, в культ его предков?

— В споре рождается истина, — вмешался в разговор Шаргунов. — Кискоров, посмотри, у него на шее есть крестик или нет?

— Судмедэксперт приедет — стонать начнет, что мы тело потревожили, — предупредил Васильев.

— Мы проверим крестик и вернем тело назад.

Покойник, выросший в католической семье, носил нательный крест на тонкой золотой цепочке.

— Теория с вуду отпадает, — сделал вывод Шаргунов.

Кискоров не собирался сдаваться:

— Предположим, дело было так. В кабинет вошли двое. У одного из них с собой была кукла. Он встал сюда, около этого аппарата, выхватил куклу и на глазах у Жан-Пьера воткнул в нее иглу. Жан-Пьер от неожиданности испугался и умер, а владелец куклы вышел, никем не замеченный, и закрыл за собой дверь на ключ.

В дверь требовательно постучали. Шаргунов велел Кискорову открыть. Вместо судебно-медицинского эксперта с санитарями в кабинет вошли трое мужчин похожей наружности.

— Кто вам позволил сюда входить? — вместо приветствия спросил один из них.

— Я в своем районе ни у кого разрешения спрашивать не буду, — миролюбиво ответил Шаргунов.

— Было указание никому раньше нас не входить.

— А вы, собственно говоря, кто такой? — пошел в атаку Васильев.

— Я представитель Комитета государственной безопасности, — гордо ответил незнакомец.

— Я догадался, что вы не легат папы римского в Западной Сибири. Документы у вас есть?

Контрразведчик помялся секунду, с явной неохотой достал удостоверение, не открывая, показал.

— Внутри что написано? «Старший прапорщик погранвойск»?

Васильев умышленно шел на конфликт, вызывающим поведением прикрывая Шаргунова. В случае межведомственного скандала вся вина должна была пасть на него, а не на начальника милиции.

Чекист раскрыл книжечку.

— «Капитан госбезопасности Сергеев, — вслух зачитал Васильев. — Офицер по особым поручениям при начальнике Областного управления КГБ». Круто! Хотел бы я быть офицером по особым поручениям. Ездишь по городу, передаешь указания, а сам ни за что не отвечаешь.

Сергееву не понравилась наглость милиционера. Он вновь напустил на себя многозначительный вид и строго спросил:

— Кто дал вам право входить сюда до приезда специально уполномоченных лиц?

Ответил Шаргунов:

— Согласно приказу министра внутренних дел СССР, я, как начальник милиции, обязан лично выезжать на все тяжкие преступления либо преступления, которые могут иметь общественный резонанс. Наш новый министр, ваш бывший коллега, данный приказ еще не отменял.

Повисла неловкая пауза. Две группы мужчин, явно настроенных враждебно друг к другу, стояли около тела чернокожего студента и не знали, как выйти из положения.

Для человека непосвященного сложившаяся ситуация может показаться абсурдной: представители двух правоохранительных органов вместо того, чтобы совместно заняться раскрытием преступления (если оно было), взялись выяснять, у кого из них больше прав и кто что должен делать на месте происшествия. Но таковы были реалии зимы 1983 года! Пришедший к власти в партии и стране бывший председатель КГБ СССР Андропов снял с поста министра МВД своего давнего недруга и соперника Щелокова. На его место был назначен генерал армии Федорчук, бывший преемник Андропова на посту главного чекиста страны. Федорчук откровенно ненавидел все связанное с милицией, своих подчиненных презирал. По указанию Андропова он начал «чистку» органов внутренних дел, вылившуюся в череду необоснованных увольнений руководящих кадров МВД СССР. До прихода Андропова к власти отношения между сотрудниками КГБ и МВД оставались в рамках корректного взаимодействия, но-

сили строго официальный характер. После репрессий, начатых Федорчуком, о былом взаимодействии между чекистами и милицией речь больше не шла.

Затянувшееся противостояние разрешилось само собой. Приехал судмедэксперт, следом за ним — следователь прокуратуры. Дежурным судмедэкспертом был Самуил Поклевский. Следователя прокуратуры Шаргунов не знал. Рано лысеющий молодой мужчина совсем недавно перевелся в областной центр из провинции и еще не успел познакомиться с руководством районной милиции.

— О, какой загорелый паренек! — весело воскликнул эксперт, увидев труп. — Что тут у нас? Нож в спине не торчит, голова на месте. Так что же с ним?

Осмотрев тело, эксперт сделал предварительное заключение:

— Смерть наступила от острой сердечной недостаточности.

— Мирный труп? — уточнил следователь прокуратуры. — Тогда мне здесь делать нечего. У меня в прокуратуре дел полно.

Прижимая «дежурную» папку к груди, следователь поспешно вышел из кабинета.

— погоди, — попытался остановить его Поклевский, — осмотр трупа кто писать будет?

— Да ладно, чего там! Я напишу, — нашел выход из положения Васильев.

— Если следов насильственной смерти нет, то...

Чекисты переглянулись между собой и поехали в управление — докладывать об отсутствии криминальной составляющей при обнаружении трупа.

— Шум поднимать раньше времени не будем, — решил осторожный Шаргунов. — Давайте подумаем, как нам незаметно вынести тело.

— В смежном кабинете, — сказал эксперт-криминалист, — есть дверь на улицу. Судя по всему, запасной выход. Если подогнать вплотную к дверям машину из морга, то никто на нас особого внимания не обратит.

Кискоров пошел за ключом от запасного выхода. Минут через десять вернулся озадаченный.

— Нет ключей! Завхоз техникума клянется, что эту дверь не открывали со дня сотворения мира.

— Пошли своего завхоза куда подальше! — отозвался от входа Осипов. — Эту дверь открывали совсем недавно, не более недели назад.

— Мать его! — выругался Кискоров и выбежал в коридор.

Вернулся раскрасневшийся от мороза, запыхавшийся от бега.

— Я осмотрел дверь с той стороны, — доложил он Шаргунову. — Ее вчера открывали. Снег с крыльца сдвинут сантиметров на сорок. Бочком пройти можно.

— Мне подгонять туда машину или нет? — спросил судмедэксперт, закончивший диктовать протокол осмотра трупа.

— Подгонять, — отозвался Осипов. — Я отмычками вскрою замок, потом изыму его на исследование.

Санитары погрузили тело на носилки и понесли к запасному выходу. Кискоров остался работать в техникуме, Шаргунов и Васильев уехали в отдел.

Самуил Поклевский начал вскрытие трупа Пуантье в 15 часов 14 марта 1983 года. Работа предстояла рутинная, санитары в его команде были опытные, но с самого начала все пошло не по плану. Весть о том, что в морг доставили огромного африканца, со скоростью молнии облетела бюро судебно-медицинских экспертиз, и в прозекторскую под надуманными предложениями потянулись девушки и женщины. Нездоровое любопытство влекло их, заставляя на время забыть о нормах приличия и строгой пуританской морали. Поклевский понял, что, пока все желающие не осмотрят тело, работать ему не дадут.

— Пять минут перерыв! — скомандовал он.

Женский персонал бюро судебно-медицинских экспертиз условно делился на три большие группы. Первая работала с живыми лицами, вторая — в морге, третью составляли сотрудницы административного аппарата и лабораторий. Женщины из третьей группы подходили к телу на прозекторском столе с опаской, словно покойник мог вскочить и схватить зазевавшуюся девушку за руку. Врачи и санитарки из отдела живых лиц были увереннее, а сотрудницы морга вовсе не церемонились, подходили к трупу вплотную, бесстыдно рассматривали то, что их интересовало. Молодые женщины и девушки, независимо от группы, при виде детородного органа потерпевшего хихикали в ладошку, перешептывались, долго у тела не задерживались. Зрелые женщины санитаров не стеснялись, открыто обсуждали

размеры мужского достоинства бывшего студента, отпускали скабрзные шуточки.

Последней в прозекторскую забежала санитарка морга Зина.

— Фу, успела! Вы еще не начали? О чем тут все толкуют?

Она подошла к столу, мельком глянула на африканца, поморщилась, словно раскусила не тронутую морозом горькую ягоду рябины.

— Господи, было бы о чем говорить! Знала я одного мужика...

— Все! — хлопнул в ладоши Поклевский. — Дверь закрыть, никого больше не впускать. Кто не успел — тот опоздал. Если кто-то не удовлетворил любопытство, пусть приходит после вскрытия. Покойник не убежит, лишнее ему не отрежем.

Слова Поклевского и санитары, и многоопытная Зина восприняли не как черный юмор, а как обычную констатацию фактов. Покойник действительно никуда не убежит, лишних разрезов на нем никто делать не будет. Работа с мертвыми телами имела свои особенности, одной из которых было отсутствие шуток на «производственные» темы.

— Начали! — скомандовал старший санитар и взялся за пилу.

Первый этап исследования трупа шел по плану, но как только Поклевский вынул из груди Пуантье сердце, так тут же все переменялось.

— Вот ведь! — воскликнул эксперт. — Да тут инфарктом и не пахнет!

По его указанию санитар вызвал двух самых опытных патологоанатомов морга. Они целый час

колдовали над сердцем и пришли к неожиданным выводам. Пригласили в прозекторскую начальника областного бюро судебно-медицинских экспертиз профессора Кишиневского.

— Что у вас стряслось? — недовольно спросил Кишиневский.

Рабочий день подходил к концу. Начальник экспертов уже видел себя за семейным столом, с вилок в руке. В понедельник его жена пообещала приготовить на ужин утку по-пекински, деликатесное блюдо, под которое можно и бокальчик хорошего вина пропустить.

— Он умер от поражения электрическим током, — сказал Поклевский. — Никаких следов естественной сердечной недостаточности нет.

— Как током? — не понял Кишиневский. — Его же нашли лежащим в дверном проеме. Откуда там электричество?

Поклевский велел санитарам перевернуть тело на живот.

— Вот вход, — показал он на две крошечные, едва заметные точки, — а вот выход. Электрическая дуга небольшой мощности прошла со стороны спины через сердце и остановила его. Я не специалист по электричеству, но навскидку могу сказать, что если бы его шарахнуло током от обычной розетки, то на теле были бы видны следы от ожогов... При наружном исследовании трупа я этих крохотных точек даже не заметил. Потом стал искать место входа дуги и нашел.

— Он чернокожий, вот и не видно ожогов, — в задумчивости сказал Кишиневский. — Какое рас-

стояние между точками? Три сантиметра? Что же это может быть? И почему от несильного разряда у него остановилось сердце? Здоровенный ведь мужичище, спортсмен, а сердечко оказалось слабеньким.

— Как бы то ни было, это убийство, — заявил Поклевский. — Я выезжал на место обнаружения трупа. Там никаких проводов из стен не торчало.

После недолгого раздумья Кишиневский принял решение.

— Всем оставаться в прозекторской, — приказал он. — В помещение никого не впускать, причину смерти иностранца не комментировать. Поклевский, вместо тебя сегодня отдежурит другая бригада. Заканчивай вскрытие и будь готов к приему гостей.

О причине смерти Пуантье Кишиневский сообщил дежурному КГБ, Шаргунову и начальнику городского УВД. Первым в морг примчался Шаргунов.

— Самуил, ты про какое электричество толкуешь? — с порога спросил он. — Ты же сам в техникуме был и видел, что там даже розетки рядом нет. Как его могло током ударить, да еще в спину?

Поклевский растопырил средний и указательный пальцы, ткнул ими в свою ладонь. Шаргунов автоматически повторил жест Поклевского.

— Ты хочешь сказать, — озадаченно сказал начальник милиции, — что некто один конец электропровода воткнул в розетку, а вторым концом прикоснулся к спине потерпевшего? Ты посмотри на него! Разве такой здоровяк подпустит к себе чужого? У него на физиономии написано, что он осторожен, как зверь.

— Электричество было не из городской сети, — добавил неясностей эксперт. — Сила тока при соприкосновении с телом была небольшой, но достаточной, чтобы сердце сжалось и больше не разжималось.

— Как жаль, что я в техническом вузе не учился! — воскликнул Шаргунов. — Сейчас бы сообразил, что за абракадабру ты несешь. Самуил! Поясни: если электричество не из розетки, то откуда оно взялось? Его же не шаровая молния поразила.

— Я судебно-медицинский эксперт. Не электрик, не следователь и даже не постовой милиционер. Мое дело — исследовать труп, дать заключение, а выяснять, что да как, в мою компетенцию не входит.

— Остальные органы у него в порядке? — поменял тему Шаргунов.

— Здоров как бык, если не считать следов травматических повреждений. Вот тут, слева по реберной дуге, у него шрам. Я думаю, что это след от пулевого ранения. На лбу, под волосяным покровом, еще один небольшой шрам.

— Когда он их получил?

— Пуля чиркнула ему по ребрам много лет назад, а в лоб он получил относительно недавно. Рубец на голове тонкий, кости черепа под ним не повреждены. Скорее всего, в прошлом году кто-то ударил потерпевшего по голове палкой с ребристыми краями.

За окном мелькнули фары подъехавшего легкового автомобиля. Посмотреть на загадочно погиб-

шего иностранного студента и выслушать объяснения Поклевского прибыл первый посетитель. Им оказался начальник областного УВД генерал Безруков, за ним в морг приехали прокурор города и прокурор Центрального района, сотрудник КГБ Сергеев, инструктор из обкома партии Дивеев, начальник Управления хлебопекарной промышленности Кирсанов и его заместитель.

Осмотрев труп, Кирсанов заявил, что в технике пищевой промышленности незащищенных электрических сетей нет. За ними следом приезжал еще кто-то, и все как один требовали от судмедэкспертов молчать о причине смерти Пуантье. У гражданских чиновников Управления хлебопекарной промышленности Шаргунов по указанию генерала собственноручно взял подписку о неразглашении тайны следствия. К представителю партии Шаргунов подходить не стал. Партия сама знает, что можно выносить на суд общественности, а что нет.

После того как гости разъехались, в прозекторской остались Шаргунов и Поклевский.

— Самуил, я вижу, что ты устал, что тебе надоело весь вечер говорить одно и то же. Но будь другом, удели мне минутку внимания. Как ты думаешь, откуда взялось электричество? Преступники принесли с собой трансформатор, который понизил напряжение в сети?

— Я думаю, что это был мощный аккумулятор.

Шаргунов согнул руки в локтях перед собой, словно держал на них тяжелый автомобильный аккумулятор.